

Елена
Арсеньева

Царица
любит не шутя

Исторические
новеллы
любви

Царица любит не шутя

Елена Арсеньева

**Вещие сны (Императрица
Екатерина I)**

«Автор»

2004

Арсеньева Е. А.

Вещие сны (Императрица Екатерина I) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», 2004 — (Царица любит не шутя)

ISBN 5-699-07728-6

На портретах они величавы и неприступны. Их судьбы окружены домыслами, сплетнями, наветами как современников, так и потомков. А какими были эти женщины на самом деле? Доводилось ли им испытать то, что было доступно простым подданным: любить и быть любимыми? Мужья цариц могли заводить фавориток и прилюдно оказывать им знаки внимания... Поэтому только тайно, стыдясь и скрываясь, жены самодержцев давали волю своим чувствам. О счастливой и несчастной любви русских правительниц: княгини Ольги, дочери Петра Великого Елизаветы, императрицы Анны Иоанновны и других – читайте в блистательных новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-07728-6

© Арсеньева Е. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена Арсеньева

Вещие сны

(Императрица Екатерина I)

Она рывком села в постели, отшвырнув атласное одеяло, разметав кружево простынь, скидывая с постели ворох подушек. Она любила нежиться на добром десятке подушек, от больших и пышных, что твоя перина, до крошечных сдобных думочек, которые разве что под такой же сдобный локоток подложить способно. Но сейчас было не до неги...

– Свечей! – не закричала – завопила истошно, сама не узнавая своего безумного голоса. – Свечей!!!

Вбежала девка с подсвечником – в пляшущих бликах видно, какое у нее перекошенное, перепуганное лицо: с чего это государыня блажит, словно ее режут?

Уж лучше бы резали, честное слово!

– Еще свечей! – снова заорала Катерина. – Живо!

Вбежала другая девка с подсвечником, тоже трясясь от страха.

– На постель светите! – приказала Катерина, лихорадочно водя руками по простыням. – Ближе! Светите!

Девки добросовестно светили, капая растопленным воском на голландское шелковистое полотно. В другое время государыня непременно вызверилась бы: «Дуры! Аккуратней!», однако сейчас она ничего не замечала.

– Ну? – спросила тоненьким, девчоночьим, боязливым шепотком. – Видите? Нет? Тогда ищите! Под кроватью ищите, ну!..

Девки, привычные к беспрекословному повиновению, к тому же еще не вполне проснувшиеся, пали на колени, задрав пухлые зады, принялись шарить под кроватью. Катерина тоже на коленях переползала то к одному краю огромного ложа, то к другому, боязливо приподнимала кружевные подзоры простыней, вглядывалась и взвизгивала, когда ей что-то чудилось в мельканье теней. В конце концов девки приустиали шарить по полу, и одна из них, бывшая побойчее, осмелилась спросить:

– Матушка, скажи, Христа ради, чего ищем-то?

Катерина высунула из-под рубахи голую ногу и пнула говорунью:

– Тебе-то что? Ищи знай!

– Да нету здесь ничего! – взмолилась девка, у которой уже саднило колени и ломило спину. – Ни тараканов, ни мышей.

– Каких мышей? – хмыкнула Катерина. – Чтобы я из-за каких-то там мышей с ума сходила? Ни мышей, ни крыс, ни пауков, ни лягушек я не боюсь, а вот змей... Змей ищи, змей! Больших, черных!

Раздался слитный вопль, девки вмиг выскочили из-под кровати, словно их вымело метлой, а потом каким-то непонятным образом оказались сидящими на постели рядом с Катериной. Они поджимали под себя ноги и тряслись точно так же сильно, как их госпожа, которой от их страха стало еще страшней. Теперь кровать ходила ходуном.

Наконец у той самой девки, которая спросила, чего они ищут, рассудок взял верх над припадком ужаса, и она робко спросила:

– Матушка-государыня, откель же тут змеюкам взяться? А? Зима на дворе... Не примешилось ли вашему величеству?

И тотчас, испугавшись собственной смелости, она соскочила на пол, чтобы уберечься от нового сердитого пинка. Однако Катерина пинаться не стала. Села, скрестив ноги по-турецки, натянула на озябшие лодыжки рубаху и призадумалась.

А может, дура-девка правду говорит? Может, и впрямь ее величеству примерещилось?

Она махнула девкам, чтоб уходили, но свечи велела оставить. Еще немножко посидела, взглядываясь во все углы, потом легла. Свернулась клубком, чуть не с головой закутавшись в одеяло, уставилась на пляшущие огоньки и принялась вспоминать, как это было. Если было...

Среди ночи и глубокого сна она внезапно услышала громкое шипенье. Поглядела – и увидела, что постель ее покрыта змеями, сновавшими туда-сюда. Катерина не поняла, откуда они взялись, – чудилось, их кто-то сбросил на кровать, вот они и расползлись: мелкие, проворные, черные. А потом между ними появилась еще одна – большая, толстая. Разинула шипящую пасть – и вдруг кинулась на Катерину и обвилась вокруг ее тела. Катерине почудилось, что она обвита толстенным корабельным канатом, только канат этот не ворсистый и жесткий, а гладкий, ледяной, скользкий. Горло ее было перехвачено тугим кольцом – не то змеиным телом, не то ужасом, она не могла издать ни звука, а только что было сил пыталась разомкнуть эти смертельные объятия. Ей удалось перехватить змеиную голову и самой стиснуть ей горло... Она отчетливо помнила, с какой бессильной ненавистью смотрели на нее плоские желтые глаза, когда змея осознала, что побеждена.

Кольца разомкнулись, Катерина с воплем отшвырнула дохлую змею и принялась скидывать других, мелких, которые пусть не жалили, не душили, а все же наводили на нее ужас неодолимый. И все кричала истошно, требовала света...

Тут набежали девки со свечами... и змеи все куда-то подевались. Неужто их и впрямь не было? Неужто это был сон?!

Да, видать, что так. Но какой же страшный сон, а?! До сих пор сердчишко колотится, словно выскочить норовит.

Катерина прижала ладонью пухлую левую грудь. Теперь сердце больно билось между пальцев, как птичка о прутья клетки.

Сон, сон... Нет, это не обыкновенный сон, – такие страсти просто так не снятся. Это был вещий сон. Вещий, а не какой-то иной!

Вещий... И что ж он предвещал?

Катерина уже согрелась и перестала сжиматься в комок: вытянулась, легла поудобнее. Повозилась, устраиваясь на подушках. Под головой самая большая и пухлая, две поменьше под плечами, думочка под локтем, при боках тоже подушки. Холодно одной в постели, Петрушки-милушки давно нет, чтобы ее согреть. Да и *никого другого* тоже нету... Катерина нежно, мечтательно улыбнулась. Свечи перемигивались, догорая, и она вспомнила, как точно так же играли огоньки в его глазах... в любимых глазах... Ой, жаль, что нынче *он* не пришел! Но все во дворце думали, что воротится государь, ждали его с часу на час. Однако вот уж далеко за полночь, а Петра все нет. Ни мужа, ни любовника – неудивительно, что от вынужденного воздержания женщине начинает сниться всякая нечисть вроде гадов ползучих!

Гады, змеи... Вроде бы змея – это какая-то разлучница. Гадина!

Боже ты мой!

Катерина резко села, и старательно уложенные подушки снова рассыпались по сторонам. А почему не вернулся Петр? Что его задержало? Что... или кто?

Кто?!

Катерина упала ничком, уткнулась лицом в подушку. Ни она, ни муж ее – не хранители супружеской верности. Кого только не приводил... вернее, кого только не затаскивал он в свою походную постель! Брал женщин бесчисленно. Ну что ж, Катерина отлично знала, что природа ее мужа – это природа петуха, который топчет курочку за курочкой без всякой усталости. Жить он может только так. Иначе – помрет. Она и сама была неумна плотью, а потому не судила

мужа, которого любила от всей души. Любила и понимала. Понимала и прощала. Она для него единственная, она его жена! Так не все ли равно, что он кого-то там походя приласкает? Петр и не скрывался от жены. Для него эти девки были необходимы, как лакомые блюда, а Катериночка – как хлеб и вода, как воздух. Она была чем-то, без чего невозможно жить. И она про то прекрасно знала, а потому спокойно читала такие вот послания мужа, отбывшего в Спа на лечение минеральными водами и прихватившего с собою одну из своих многочисленных любовниц:

«А поскольку во время питья вод «домашние забавы» доктора употреблять запрещают, того ради я метрессу свою отпустил к вам, ибо не мог бы удержаться, ежели б она при мне была».

«Домашними забавами» шутник Петрушка называл постельные игрища. Катерина снисходительно отвечала – право, так могла бы старшая сестра писать младшему братцу-повесе:

«Что же изволите писать, что вы метрессишку свою отпустили сюда для своего воздержания, якобы невозможно при водах с ней веселиться, – тому я верю; однако больше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью, в которой она нынче пребывает и для лечения изволила поехать в Гаагу, и не желала бы я (о чем Боже сохрани!), чтобы и галант той метрессишки столь же здоров приехал, какова она приехала».

Катерина уже хорошенько не помнила, то ли метрессишка наградила своего галанта известной болезнью, то ли Петр удостоил ее сей чести (ибо порою, чего греха таить, цеплял заразу). Девки его слишком часто менялись, даже имен всех было не упомянуть, она и не старалась. Конечно, некоторые весьма крепко брали государя за сердце...

К примеру, он искренне, душой и телом, любил свою племянницу Екатерину Ивановну, дочь скудоумного царя Ивана Алексеевича, давно уже почившего в Бозе... ко всеобщему удовольствию. Все знали (хотя говорить это вслух, само собой, не говорили!), что трех дочек своих, царевен Екатерину, Анну и Прасковьюшку, расторопная царица Прасковья Федоровна родила от своего спальника и любовника Василия Юшкова, поэтому племянница была Петру не совсем племянницей... Ну что ж, это многое оправдывало. Он пристроил Екатерину за Карла-Леопольда, герцога Мекленбург-Шверинского, к которому относился весьма пренебрежительно, ибо тот вечно с кем-нибудь враждовал – то со шведами, то с англичанами, то с собственными подданными – и постоянно нуждался в поддержке Петра. Муженька государь мог сыскать для веселой Екатерины и поавантажнее... а может, нарочно не сделал этого, чтобы племянница не нашла счастья в супружестве. Зато она вполне обретала это счастье во время довольно-таки частых наездов дядюшки в столицу герцогства Мекленбургского – Шверин.

Рассказывали, будто Петр, чуть завидев племянницу, обнимал ее и увлекал в соседнюю комнату. Немедля опрокидывал там на диван, задирали многочисленные юбки – и отделявал так, что вскоре по всему дворцу разносились крики восхищенной герцогини. Строго говоря, окажись придворные посмелее, они смогли бы не только слышать, но и видеть происходящее, ибо Петр с царственной небрежностью не заботился запираť за собой дверей. Ну, разумеется, никто не осмеливался туда заглянуть, однако двух мнений относительно происходящего ни у кого не оставалось. Неудивительно, между прочим, что герцог злобствовал на жену и в пьяной болтовне (в трезвой не решался, ибо был сущий заяц во хмелю) отрекался от отцовства малышки-принцессы Елизаветы-Екатерины-Кристины...

Когда до Катерины дошли слухи о забавах супруга с племянницей, она так хохотала, что ее фрейлины решили, будто царица повредила умом от ревности и горя, что у нее истерика. Уже даже доктора позвали – кровь государыне отворять! А ей и впрямь было весело. Потом она спросила Петрушу, правда ли сие. Тот со смехом подтвердил. И не замедлил завести новую метрессишку. В их числе перебивали служанка Анна Крамер, Матрена Балк – сестра бывшей пассии Петра, Анны Монс, теперь генеральша и задушевная подруга императрицы, еще Авдотья Чернышева... Да мало ли кто!

Одной из таких метресс и стала Катерина камер-фрейлина Мария Гамильтон. Вообще Петру нравилось совращать фрейлин императрицы, а потом вместе с женой подробно обсуждать их стати и поведение в постели. Такие беседы их обоих здорово возбуждали: болтовня и смех переходили в умопомрачительные ласки, Петр словно бы молодел от этих рискованных разговоров. И когда возраст, заботы, хвори начинали брать свое и любовный пыл государя ослабевал, Катерина нарочно подсовывала ему какую-нибудь из своих на все готовых и на все гордых девушек. Она слышала, что русские знахари для лечения невстанихи применяют такое средство: легонько подхлестывают прутиком «усталого жеребчика», и про себя называла мимолетных любовниц Петра березовыми прутиками, немало забавляясь при этом.

Вот так же подхлестнула она однажды угасший мужнин пыл березовым прутиком по имени Мария Гамильтон. Но разве могла она вообразить, какой трагедией обернется эта история? Император влюбился в родовитую красавицу, а вот она легла с ним в постель без особых чувств. То ли ей польстило внимание государя, то ли просто испугалась кары за отказ. Но, удовлетворяя неугасимый пыл Петра, она сердцем принадлежала совершенно другому мужчине: государеву денщику Ивану Орлову.

Вспомнив Ивана, Катерина покачала головой. Когда обтягивающие штаны выставляли напоказ великолепный причиндал Орлова, тут было чему дивиться, что да, то да, однако же ничего, кроме сего причиндала, у парня не было: ни ума, ни сердца, ни души. Он пил, а во хмелю становился буен и жесток, жаждал на ком-нибудь опробовать свои пудовые кулаки – и, как правило, находил покорную, безответную жертву в Марии Даниловне.

Катеринушку муж порою тоже поколачивал, и она находила, что ласки после пары тумачков воспринимаются острее, любитя слаще, но Марию Иван Орлов месил кулаками, будто крутое тесто, и частенько ей приходилось прибегать к немислимым ухищрениям, чтобы скрыть кошмарные синяки, покрывавшие ее лицо и тело. Давным-давно надо было бросить поганца-денщика, Катерина просто жаждала наябедничать на него мужу и избавить фрейлину от мучений, однако Мария на коленях умоляла оставить Ивана в покое. Ее любовь к нему была любовью жертвенной, безрассудной, и Катерина, обладательница тяжеленькой ручонки, которой она при случае могла вразумить даже и мужа, бывшего на две головы выше ее, только дивилась такой безответности.

Разумеется, когда Мария стала любовницей государя, Ивану пришлось на время спрятать кулаки в карманы, однако Катерина не раз слышала, как он бранил девушку самыми грязными словами. Катерина подозревала, что Мария тайком изменяла Петру с Орловым, когда и денщик, и метресса были взяты государем в большое заграничное путешествие, которое длилось чуть не год. Во всяком случае, Катерина почти не сомневалась: те ночи, которые Петр проводил с женой, Марья проводила со своим ненаглядным Иванушкой.

Видит Бог, Катерина по-своему любила свою камер-фрейлину. Гамильтонша была девка добрая, бесхитростная, коварства в душе не таила и была искренне предана императрице, которую обманывала против своей воли. К примеру сказать, Мария – одна из немногих фрейлин государыни – спокойно сносила ее причуды с платьями и прическами. Ведь Катерина запретила дамам убирать алмазами всю голову: можно было украсить прическу только с левой стороны. Сама же Катерина покрывала алмазной сеткой всю голову, особенно когда в летнюю жару стригла волосы под корень. Мешали тяжелые косы, когда ездила с Петром по военным лагерям. Там ни помыться, ни причесаться толком, вот и брила царица голову, прикрывая лысинку драгоценностями. Постепенно моду на эти сетки она перенесла и на придворные балы, но только для себя одной... Точно так же Катеринины дамы не имели права носить горностаевые меха с хвостами (а ведь известно, что это главное украшение горностаея!) и сорочки с длинными рукавами. Глупенькие фрейлины задыхались от зависти и пробовали даже роптать на императрицу, которая была в своей вотчине, в этом бабском курятнике, истинным дикта-

тором. Однако Мария Гамильтон спокойно сносила любые причуды государыни. Может быть, потому, что в любом, вовсе простеньком платье все равно смотрелась восхитительно и понимала, что даже самый причудливый наряд – всего лишь рамка для ее красоты.

Катерина этой красоте не завидовала, никакого зла на Марию не держала, однако Гамильтонша сама довела себя до гибели.

Когда царская семья и свита вернулись из путешествия, Мария была беременна. Почему-то она пребывала в убеждении, что ее ребенок зачат от Ивана Орлова, а поэтому решила его извести. Она всячески таилась, утягивалась, скрывала и тошноту, и растущий живот, и боли, а когда пришло время рожать, затеяла делать это втайне. Посвятила она в свою беду одну лишь служанку, которая и стала свидетельницей не только родов, но и убийства ребеночка.

Перепуганная и запуганная служанка поклялась молчать – и молчала. Так бы, может статься, дело и сошло бы с рук царевой любовнице, однако в дело вмешалась ревность, змея подколотная. Мария узнала, что Иван Орлов завел себе новую подругу. Ею стала генерал-майорша Авдотья Чернышева, и развязные ласки этой «бой-бабы», как ее называли все, начиная с Петра, похоже, влекли Орлова куда сильнее, чем нежная любовь Марии Гамильтон.

Мария бесилась от ревности и, кажется, в самом деле повредила в уме. Желая погубить соперницу, она однажды сказала Ивану:

– Дунька твоя страшные слухи про нашу матушку-государыню разносит: та-де воск ест, оттого у ней на лице угри.

Мария надеялась, что Иван испугается. Говорить такие вещи про царицу – да за это можно поплатиться головой! Испугается – и отступится от Чернышевой. Однако Иван pokrutil пальцем у виска, да и пошел вновь к затейнице Авдотье. Тут разъяренная ревностью Мария вовсе потеряла голову! Она стала распространять слухи про воск и угри кому ни попадя, только теперь уверяла, будто и Орлов это болтает.

Дошли разговоры и до Катерины. Ух, как она разгневалась! Какие еще угри?! Да у нее всю жизнь кожа чиста и гладка. Какой еще воск? Что она, дура безумная?! Небось и кроме воска найдет, чего в рот брать!

Призвали к ответу Орлова. Он немедленно выдал Марию. Да еще налгал, мол, она-де эти слухи в подметных письмах рассылала. Рассерженная Катерина послала в комнаты Марии людей с приказанием учинить обыск и найти письма. И почти немедля в пожитках камер-фрейлины были обнаружены... не письма, которых на самом деле, конечно, не было, а золотые украшения с алмазами. Дорогие безделушки!

Мария со стыдом повинулась, что потихоньку крала их то у влюбленного государя, то у царицы... Ну что поделать, Катерина и Петр никогда не умели смотреть за своими вещами, к тому же домашняя сорока-воровка таскала лишь то, что было забыто, заброшено. В самом деле, этих вещей могли бы никогда и не хватиться, спрячь их Мария получше.

Однако золотишко и даже драгоценные камушки были еще не самой страшной находкой. Окровавленная нижняя юбка, окровавленная рубаха, простыня... Неряха-служанка, пособница преступления хозяйки, даже не позаботилась выстирать или хотя бы выбросить заскорузлое от крови белье!

Мария отнекивалась, уверяла, что это не ее вещи. Однако служанка так перепугалась, что незамедлительно выдала свою несчастную хозяйку, поведав о тайных родах и об убийстве ребенка.

Теперь Катерина схватилась за голову от страха за свою камер-фрейлину, дуру набитую. Однако остановить затеянное следствие было уже невозможно. Как ни был Петр занят делом заговора царевича Алексея и бывшей жены своей Евдокии Лопухиной, старицы-царицы Елены, однако лишь только все виновные (действительные и выдуманные) получили по заслугам, как он спешно взялся за «дело Марьи Даниловой Гаментовой», как оно называлось в бумагах.

У царя мелькнуло страшное подозрение, что Мария убила его ребенка. А поскольку влюбленная преступница всячески старалась выгородить Орлова, она невольно вынуждена была подтверждать подозрения Петра. Убийства своего ребенка государь простить не мог! Орлов приложил руку к гибели своей любовницы, уверяя, что никакого касательства к ней не имел и отцом младенца быть никак не может.

В конце концов, после пыток и долгих разбирательств, Мария была приговорена в отсечению головы. Служанку, которая не донесла о преступлении, приговорили к наказанию плетьюми и ссылке в прядильные работы.

На служанку Катерине было наплевать, однако она валялась в ногах у мужа, моля о прощении бедной дурочки-фрейлины. Жалко было красоту, искалеченную судьбу – жалко до слез! Подговорила заступиться за Марию и царицу Прасковью Федоровну, к которой Петр всегда благоволил. Но государь остался неумолим, и 14 марта 1719 года Мария Гамильтон в нарядном белом платье взошла на эшафот. В этот день красота ее, изрядно поблекшая в застенке, вернулась к ней. Бог весть почему она была убеждена, что в последнюю минуту государь простит ту, которую так страстно любил. Да и Катерина вздохнула с искренним облегчением, когда увидела загадочную улыбку на губах мужа.

Петр подошел к осужденной, уже стоявшей на эшафоте, обнял, поцеловал, что-то прошептал... Лицо Марии просияло, особенно когда государь пошептался и с палачом. Вдох общего облегчения пронесся над толпой. Все решили, что прощение даровано, что свершится только обряд казни. Когда Мария положила голову на плаху, никто не сомневался: топор вонзится рядом с головой. Такие случаи бывали часто, преступник получал нужную острастку – и уходил прощенным.

Топор взлетел, блеснуло лезвие... а в следующий миг палач показал толпе отрубленную голову злополучной красавицы, подняв ее за роскошные черные кудри.

Катерина тогда едва не лишилась чувств. Словно в тумане видела, как Петр взял голову Марии и поцеловал ее в губы. Холодным голосом он поведал онемевшей, остолбеневшей толпе об особенностях строения человеческого черепа – и уехал, приказав заспиртовать голову Марии Гамильтон для хранения в Кунсткамере...

Катерина поежилась при воспоминании об этой страшной сцене. Пять лет минуло, а картина отчетливо стоит перед глазами. Снова натянула до глаз одеяло, пытаюсь унять дрожь. Она по-прежнему жалела Марию, по-прежнему никакой злости к бедной девушке, жертве любви и страсти, у нее не было. И, конечно, не Мария Гамильтон была той страшной змеей из ее сна.

А кто? Кто?

Катерина нахмурилась. Может быть, в образе змеи к ней явилась Мария Андреевна Матвеева? Это имя – Мария – было для Катерины поистине роковым!

Матвеева тоже принадлежала к древнему роду. Именно в доме боярина Артамона Матвеева некогда воспитывалась Наталья Нарышкина, которую царь Алексей Михайлович Тишайший взял в жены и которая вскоре родила ему единственного сына.

Единственного, зато какого! Самого Петра Великого!

Петр очень любил матушку, ко всему, что относилось к памяти о ней, благоговел. Андрей Артамонович Матвеев, сын старого боярина, погибшего во время стрелецкого мятежа, пользовался величайшим расположением царя. Андрей Артамонович служил русским послом в Вене и Гааге, а потом вернулся в Петербург. Его дочери было семнадцать, и уж к ней-то государь, надобно сказать, отнесся безо всякого благоговения! Ее, утонченную красавицу, говорившую на нескольких языках, великолепную танцовщицу, певунью, музыкантшу, умницу, он повалил на ближайшую постель с такой же стремительностью, с какой сделал бы это с самой тупой и невзрачной из кухарок.

Впрочем, Мария никак не возражала. Напротив! Она много чего там нахваталась, в этих своих Европах! Сделаться любовницей короля (ну, или царя, какая разница?) считалось за честь в любом просвещенном государстве, и Мария тоже гордилась оказанным ей предпочтением. Правда, длился ее фавор недолго...

На беду свою, она вспомнила, что королевские метрессы при европейских дворах непременно позволяют себе амурные шалости не только с повелителем. «Чем же я хуже?» – спросила себя Мария. Сочла – ничем-де, а потому и решила, что вполне может немножко поразвлечься на стороне.

«Сторона» оказалась очень близко: в любовники себе Мария взяла не графа, не князя, а всего лишь дворцового лакея. Ну, справедливости ради следует сказать, что мальчишка был отчаянно красив. Катерина забыла, как его звали, но отлично помнила разворот его плеч, узкие бедра с выразительной выпуклостью в штанах, яркий, чувственный рот и блудливые глаза. Как раз такие мальчишки в образе игривых бесов являются в грешных снах и искушают, искушают, очень успешно искушают что молоденьких, что не больно-то молоденьких вдовушек... Да и мужних жен, если на то пошло! Неудивительно, что бедная девушка не устояла. Увы... Считая себя хитрей всех на свете, она не была достаточно осторожна! И этим погубила все.

Как-то раз царь, почувствовав приступ похоти – а такие приступы у него всегда были внезапны, неодолимы и требовали мгновенного «врачевания», – в разгар какого-то дела все бросил и отправился отыскивать любовницу. Поднялся во второй этаж дворца – и вдруг услышал за одной из дверей крики-стоны, как мужские, так и женские. Кричали-стонали не от страха или боли – государь мог руку дать на отсечение! Его разобрало любопытство – прежде всего потому, что в этих звуках ему почудилось что-то очень знакомое...

Подергал он дверь – заперта. Петр только хмыкнул, приложился к ней плечом, нажал... легонько, совсем легонечко, но дверь так поспешно соскочила с петель, словно бы испугалась того, что скрывала. А скрывала она мужчину и женщину, которые, полулежа на канапе, упоенно предавались древнейшему и приятнейшему из занятий.

Какое-то время Петр с интересом разглядывал мускулистые, напряженные ягодичные мышцы мужчины (надобно сказать, что император порою испытывал греховное влечение к лицам одного с ним пола и, честно признаться, не всегда мог с этим грехом совладать!), страстно стиснутые нежными женскими коленями. Более ничего видно не было – лицо женщины скрывали пышные юбки, очень поспешно и очень небрежно задранные.

Юбки были темно-голубые.

Петр нахмурился. Теперь нечто знакомое казалось ему не только в прерывистых столах, но и в ворохе этих темно-голубых юбок. Такое впечатление, что он уже видел их, видел даже вот такими смятыми – и не один раз... Царь приблизился к samozабвенной парочке (любовники по-прежнему ничего не видели и не слышали, достигнув вершин наслаждения!) и, сдвинув юбки, весьма бесцеремонно заглянул в запрокинутое лицо женщины.

Он увидел именно то, что уже смутно заподозрил. Однако не сразу поверил своим глазам, а стоял какое-то мгновение в полном оцепенении, и лицо его было в то мгновение не лицом оскорбленного, обманутого мужчины, а лицом обиженного мальчика. Ибо это была, конечно, Мария Матвеева, Марьюшка... Его Марьюшка, мать ее этак и так!!! Полудетская обида царя моментально сменилась яростью, и Петр издал некий возмущенный звук, очень напоминающий сдавленное рычание хищного зверя, готового к прыжку.

Женщина открыла глаза, еще подернутые дымкой неутраченного блаженства... и замерла, оцепенело уставившись на своего царственного любовника, ибо лик его был ужасен. В его сверкающих очах она увидела сверкание солнечных бликов на лезвии палаческого топора, а в скрежете зубовном услышала скрежет своих позвонков, разрубаемых этим топором...

Она завизжала так, что ее кавалеру почудилось, будто ему в ухо вонзили раскаленную иглу. То ли боль, то ли внезапно пробудившийся рассудок, то ли, может, ангел-хранитель,

коему жаль стало непутевого подопечного, – неведомо что именно, однако что-то сдернуло его с распростертого тела любовницы и заставило прямым кинуться к раскрытому окошку. Одновременно мальчишка пытался застегнуть штаны. В два прыжка он достиг окна, вспорхнул на подоконник – и выбросился во двор.

Петр рванулся за лакеем, однако ему проще было бы поймать порыв ветра, чем охваченного ужасом беглеца. «Не иначе, черти ему ворожат!» – мрачно подумал государь, выглядывая в окошко... и обнаружил, что ошибается. Черти лакею определенно не ворожили, да и ангел-хранитель, видимо, счел, что сделал для своего подопечного чрезмерно много, и отступился от него как раз в тот миг, когда лакей прыгнул. Царь увидел, что незадачливый любовник пытается подняться, но не в силах опереться на ногу – и снова падает. Видимо, нога его была сломана. Самое смешное, что он все еще пытался застегнуть штаны!

Это было так смешно и жалко, что император принялся хохотать, чувствуя, как ярость и злость его уходят, словно вода из треснутого кувшина. Он презрительно пожал плечами, отошел от окна и вернулся к Марии.

А надо сказать, что все описанное произошло так стремительно, что оплошавшая фаворитка даже встать с канаве не успела: так и валялась, безуспешно пытаясь выпутаться из вороха своих темно-голубых юбок. Царь помог ей, рывком поставив на ноги. Впрочем, Мария тотчас повалилась обратно на канаве, сбитая увесистой оплеухой, от которой у нее надолго воцарилась в голове полная пустота, а в глазах содеялось кружение ослепительных бликов. И она совершенно не осознавала, что с нею происходило потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.